

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.2 (477.62)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-376-391

EDN GVRBHF

Оригинальное исследование

Город Царёв-Борисов первого заселения по историческим данным и опыт графической реконструкции крепости

Чепига Г.Г.¹ , Вербовский А.В.²

¹⁾ Донецкий национальный технический университет,
Россия, ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Артема, д. 58;

²⁾ Донецкий республиканский краеведческий музей,
Россия, ДНР, 283086, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 189А
E-mail: chepiga_galina@mail.ru, verbovskiyy@ro.ru

Аннотация. В статье приводятся историографические данные о первом заселении города Царёва-Борисова в среднем Подонцовье с целью выявить в источниках и историографии сведения об особенностях оборонительных сооружений города, построенного на далёкой степной окраине Русского государства в 1599 г. Царёв-Борисов являлся первым русским городом со времён средневековья, возведенным на данной территории. Он сыграл заметную роль в дальнейшем освоении Российским государством территории современного Донбасса. Второе заселение города в середине XVII в. опиралось на остатки предшествующих построек, что отражено в документах. В работе предпринята попытка систематизировать данные источников о расположении и составе оборонительных сооружений Царёва-Борисова первого заселения с целью использовать упомянутые сведения для графической реконструкции городских укреплений. Вниманию читателей представлены художественная реконструкция, схематический план, детализация рельефа местности, а также графическая реконструкция крепости Царёв-Борисов с учетом особенностей рельефа.

Ключевые слова: степная окраина Российского государства, Среднее Подонцовье, город Царёв-Борисов, заселение, графическая реконструкция

Для цитирования: Чепига Г.Г., Вербовский А.В. 2025. Город Царёв-Борисов первого заселения по историческим данным и опыт графической реконструкции крепости. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 376–391. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-376-391. EDN: GVRBHF

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The City of Tsarev-Borisov of the First Settlement according to Historical Data and Experience of Graphic Reconstruction of the Fortress

Galina G. Chepiga¹ , Andrey V. Verbovskiy²

¹ Donetsk National Technical University,

58 Artem St., Donetsk 283001, DPR, Russia;

² Donetsk Republican Museum of Local Lore,

189a Chelyuskintsev St., Donetsk 283086, DPR, Russia

E-mail: chepiga_galina@mail.ru, verbovskiyy@ro.ru

Abstract. The article provides historiographical data on the first settlement of the city of Tsarev-Borisov in the middle Podontsovye. The authors study relevant sources and historiography in order to find information about the peculiarities of the city's defence structures. The city was built on a plane, on a distant frontier of the Russian state, in 1599. Later on, it played an important role in Russia's developing the territory of contemporary Donbass. According to the documents, the second settlement of the city in the middle of the 17th century was based on the remains of the previous buildings. This study attempts to systematise available data on the location and composition of defensive structures of Tsarev-Borisov of the first settlement for the purpose of using this information for graphic reconstruction of the city fortifications. The authors dwell on artistic reconstruction, schematic plan, details of terrain relief, and a graphic reconstruction of Tsarev-Borisov fortress taking into account the relief peculiarities.

Keywords: plane outskirts of the Russian state, Middle Podontsovye, Tsarev-Borisov city, settlement, graphic reconstruction

For citation: Chepiga G.G., Verbovskiy A.V. 2025. The City of Tsarev-Borisov of the First Settlement according to Historical Data and Experience of Graphic Reconstruction of the Fortress. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 376–391 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-376-391. EDN: GVRBHF

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Первый русский город в среднем течении реки Северский Донец – Царёв-Борисов – привлекает внимание необычной судьбой и уникальной историей. Просуществовав около 12 лет, он стал свидетелем ярких событий и переломной эпохи в судьбе Российского государства. Историков разных поколений интересовали многие аспекты его возникновения и функционирования: географическое положение на далёкой окраине, связь с политикой Б. Годунова, в честь которого он назван, туманные сведения о судьбе Б. Бельского, одного из основателей города, масштаб постройки, немалое количество и состав населения, особенности хозяйственной жизни, участие его жителей в Смуте и пр. Во многом Царёв-Борисов остаётся загадкой для исследователя. Данные об истории этого города, городище которого находится в районе слияния рек Оскол (приток р. Северский Донец) и Бахтин Колодец (приток р. Оскол), представляют ценность в контексте исследований начала процесса освоения, а затем и заселения Донецкого региона [Чепига, 2021]. Округа Царёва-Борисова является территорией Среднего Подонцовья, где в основном расположена северная часть Донбасса. Именно отсюда распространялась на юг в XVII в. российская военно-земледельческая колонизация.

В связи с актуальностью указанной темы целесообразно обобщить имеющиеся данные о хронологии первого заселения Царёва-Борисова, систематизировать данные источников о расположении и составе его оборонительных сооружений с целью использовать упомянутые сведения для реконструкции городских укреплений с учетом реального расположения на местности.

Объекты и методы исследования

Целью данной работы является анализ и систематизация данных о хронологии существования крепости Царёв-Борисов, рассмотрение особенностей оборонительных сооружений, упоминаемых в письменных источниках, сопоставление известных данных с рельефом местности, создание графической реконструкции с учетом массива накопленной информации о деревянном оборонном зодчестве России. Город Царёв-Борисов первого заселения, таким образом, является объектом данного исследования, анализ его расположения на местности, внешнего вида и устройства оборонительных сооружений выступили материалом для графической реконструкции крепости.

Методологическая база исследования базируется на принципах историзма и объективности, а также на общенаучной и исторической методологии. В работе проведен сравнительный анализ имеющейся литературы на выявление необходимой информации о крепостных сооружениях Царёва-Борисова, системный подход позволил учесть разнообразные данные о рельефе, истории и оборонном деревянном строительстве на степных окраинах России, где расположен город, обобщение информации дало возможность составить графическую реконструкцию.

Результаты и их обсуждение

Особенностью историографии данной темы является её комплексность, т. к. история функционирования Царёва-Борисова первого заселения в начале XVII в., как правило, в работах историков увязывается со вторым этапом его существования во второй половине XVII в. Также характерным является цитирование или пересказ архивных источников во многих работах, что использовано для достижения поставленных в данной работе целей.

О планировании постройки крепости Царёв-Борисов (первого заселения) российским правительством наиболее полные сведения имеются в работах Д.И. Багалея, который опубликовал документ о планах постройки города в «Материалах...» и затем в «Очерках...» дал пересказ архивного источника о результатах постройки [Багaley, 1886, с. 5–13, Багaley, 1887, с. 49].

Основные данные о строительстве или функционировании города в начале и середине XVII в. содержатся в работах Филарета (Д.Г. Гумилевского), В.Д. Юркевича, В.П. Загоровского, Г.В. Алфёровой [Юркевич, 1932; Загоровский, 1980; Алфёрова, 1989; Филарет, 2004]. Упомянутые исследователи рассматривали историю Царёва-Борисова в контексте российской военно-земледельческой колонизации. Но поскольку Царёв-Борисов заселялся дважды, оба раза с целью охраны и освоения южнороссийского пограничья, то в работах исследователей содержатся сведения об обоих периодах заселения. Также к вопросу об укреплениях Царёва-Борисова обращались современные авторы в своих работах, посвященных истории крепостей южного Пограничья [Фоминов, 2013; Чепухин, 2014; Воротникова и др., 2016].

В контексте данной статьи важно, что оборонительные сооружения имели преемственность, т. е. крепость второго заселения 1654 г. была восстановлена в тех же пределах, что и крепость начала XVII в. Это облегчает понимание места расположения и соотношения укреплений города в разные периоды истории. Работы В.Д. Юркевича и В.П. Загоровского включают описания восстановленной в 50-х гг. XVII в. крепости и её сопоставление с предыдущей постройкой, особенно стоит отметить прямое цитирование ими ряда документов, из текста которых это чётко прослеживается.

Вопросы, касающиеся хронологии существования Царёва-Борисова, можно считать условно дискуссионными, т. к. очень больших расхождений во мнениях на верхнюю и нижнюю даты функционирования поселения в историографии нет. Большинство историков относят дату основания города Царёв-Борисов к 1599 г., что соответствует опубликованным источникам, верхняя дата в основном определяется 1612 г. [Чепига, 2012; Фоминов, 2013;

История Новороссии, 2017]. В историографии иногда датой основания называется также 1600 г. Часто эта ошибка попадает в исторические атласы по истории России для общеобразовательной школы соответствующего периода⁶⁴. В украиноязычном секторе историографии нередко данный город назван Цареборисовым, что следует признать диалектным, так как официальное название города обоих периодов не имеет разночтений.

Публикуя источники по ранней истории города, Д.И. Багалей в «Материалах...» [Багалей, 1886, с. 5] обозначил документ так: «Наказ воеводам Богд. Бельскому и Сем. Алферову о постройке города Царевоборисова 1600 года». Однако он сам, описывая историю города в «Очерках...» [Багалей, 1887, с. 46], указал как дату основания именно 1599 г., очевидно, считая другую дату случайной ошибкой. Проверив источниковую базу, которой пользовался Д.И. Багалей, В.П. Загоровский указал на то, что, согласно документам, датой строительства является именно 1599 г., а не 1600 г. [Загоровский, 1980, с. 53]. Давая ссылку на упомянутый документ, В.П. Загоровский никак не прокомментировал упомянутое название, так же, очевидно, считая это опiskой. Тот же подход видим в работе Алфёровой [Алфёрова, 1989, с. 133, 134]. Знакомство с классическими работами этих исследователей не оставляет сомнений в том, что датой основания Царёва-Борисова следует считать именно 1599 г., а ошибку из учебной литературы в будущем следует устранить.

Дата запустения города, после которой он стал именоваться городищем, на данный момент в большинстве современных работ признается 1612 г. Однако в историографии так же вариантов хватает. Д.И. Багалей, по его словам [Багалей, 1887, с. 51], не встречал упоминания о городе в документах с 1604 г., и только в 1625 г., как указал исследователь, князь Волконский, посылая станицу к Изюм-Кургану, отметил, что ров бывшего города был еще глубок. Филарет связывал разрушение города с продвижением вверх по Северскому Донцу Лже-Петра и считал, что город был разрушен в 1610 г. [Филарет, т. 2, 2005, с. 306].

Ряд исследователей придерживается мнения, что город разрушили татары. Например, А.А. Новосельский считал, что «Царёв-Борисов был сожжен, по видимому, татарами в 1612 г., когда «бояре под Москвою стояли»; «обгорелый наряд был вывезен в Белгород» [Новосельский, 1948, с. 67]. Донецкий исследователь В.А. Пирко заметил, что город был разрушен в 1607 г. крымской ордой [Пирко В.А., 1998, с. 29]. Некоторые авторы указали на определённую роль цареборисовцев в восстании И. Муромца (или Лже-Петра), который во главе отряда казаков поддержал антиправительственные выступления 1605–1607 гг. Казаки и «царевич» Петр «пришли з Донца на Украину во Царев город, а из Царева города пришли в Путивль» [Смирнов, 1966, с. 66]. Дальше он принял участие в восстании И. Болотникова и был казнен в 1608 г.

Современные российские историки упоминали участие цареборисовцев в восстании на стороне Лжедмитрия весной 1605 г. В 1608–1609 гг. Совместно с белгородцами и валуйцами цареборисовцы продолжали быть на стороне восставших и отказались присягать царю В. Шуйскому [Зенченко, 2008, с. 151]. М.Ю. Зенченко предположил, что город был организованно оставлен войсками в 1612 г., хотя в соответствии с разрядной справкой 1681 г. город погиб от «черкасского разорения». Однако исследователь заметил, что пушечный наряд был перевезен в Белгород, церковь в честь Николая Ратного перевезена в Валуйки, часть стрельцов переселили в 1615–1616 гг. туда же, то есть все сделано в соответствии с определенным планом. Причиной этого решения он считал сожжение Белгорода и Курска, из-за чего Царёв-Борисов был отрезан от метрополии [Зенченко, 2008, с. 162]. А.И. Папков также назвал датой пожара и упадка крепости 1612 г. [Папков, 2004, с. 162]. Подробно вопрос о дате

⁶⁴ Для учебной литературы это типичная ошибка, которая повторяется в каждом новом издании, например, в атласах по истории России издательства «ДРОФА»: «История России XVII–XVIII вв., 7 класс: атлас» в 12 изд. (2008 г.), в 17 изд. (2013 г.), в изд. за 2015 г. и т. д. Та же ошибка содержится в издании «Полный исторический атлас России. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 224 с.», о котором в аннотации написано, что «В книге содержится более 200 исторических карт, большинство из которых подготовлено специально для этого издания профессиональными историками-картографами». На с. 26 этого атласа год основания г. Царёв-Борисов дан 1600, на стр. 36 г. Бахмут почему-то назван «Бахмутское».

функционирования Царёва-Борисова рассмотрел на основе анализа различных письменных источников А.В. Фоминов, который обозначил датой строительства города 1599 г., датой наиболее вероятной гибели 1612 г. [Фоминов, 2013, с. 216, 223]. К аналогичным выводам пришли авторы коллективной монографии «История Новороссии» [История Новороссии, 2017, с. 73].

Таким образом, несмотря на отдельные упоминания о пожаре, затронувшем опоры валов, имеем достаточно четкие указания на то, что город был оставлен в 1612 г., и эту точку зрения можно считать устоявшейся в новейшей российской историографии. Именно тогда обгорелый наряд был вывезен в Валуйки, а имущество церкви перевезено сначала в Валуйки, потом в Белгород [Акты Московского государства, т. 1, 1890, с. 641–645]. Гарнизон также централизованно передислоцирован, т. е. переведен в Валуйки, причем в дальнейшем сохранял связь с регионом: есть сведения о том, что бывшие цареборисовцы готовы были вернуться в город, а в 1620 г. поступают первые известные сведения о Святогорском монастыре [Дедов, 2014, с. 89], чьи уходы по территории совпадали с цареборисовскими [Чепига, 2012, с. 159].

С начала 2000-х годов на цареборисовском городище проводились археологические раскопки под руководством харьковского археолога И.В. Голубевой. Результатам исследований посвящен ряд её статей. Городище является памятником истории (охранный номер 971) решением Харьковского облисполкома № 61 от 25.01.1972 г., административно он принадлежал Краснооскольскому сельсовету Изюмского района Харьковской области УССР. Памятник находится около с. Красный Оскол.

Археологические исследования крепости начались в 2004 г., а также велись в 2005, 2006, 2007, 2008, 2009 гг. на территории, по определению И.В. Голубевой, «детинца и посада». По её мнению, крепость имела две линии укреплений «ров – вал», и в соответствии с этим разделяется на «детинец» и «посад». Она отметила, что поверхность посада почти полностью распахана, вторая линия укреплений еле заметна и практически сnivelирована [Голубева, 2011, с. 74]. Во время раскопок вскрыты жилища, ямы различного назначения, горны. Хронология существования памятника, по мнению исследовательницы, определяется с 1599 по 1604/5 гг. [Голубева, 2011, с. 73]. Отмечается, что вскрыто больше тысячи кв. м. на «детинце и посадах» (с 2004 по 2011 гг. – авт.) [Голубева, 2011, с. 9]. Отдельные результаты исследований публиковались в «Святогорском альманахе» – научном сборнике, издававшемся Государственным историко-архитектурным заповедником в г. Святогорске Донецкой области в рамках публикации материалов научной конференции «Сибилёвские чтения» [Голубева, 2009, с. 8–16, и др.]. В целом для графической реконструкции крепости эти исследования имеют ограниченное значение, т. к. раскопки оборонных сооружений не проводились. Однако расположение валов и рвов на момент исследования все ещё местами прослеживалось. Так, во время археологических разведок в 1986 г. научными сотрудниками Донецкого областного краеведческого музея Э.Е. Кравченко и В.В. Цимидановым на местности наблюдались валы проезжей крепости, на городище были собраны образцы русской белоглиняной керамики.

Расположению оборонительных сооружений Царёва-Борисова уделено внимание в работе современных российских исследователей И.А. Воротниковой и В.В. Неделина, посвященной крепостям юга России, второй раздел этого издания обозначен как «Крепости Малороссии (Слободская Украина)» [Воротникова, 2016, с. 40]. Следует заметить, что оба названия, поданные как синонимы, на самом деле обозначают разные территории, т. к. территория слободских полков Белгородского разряда не принадлежит к землям Малороссии. В то же время отрадно отметить, что территории «украина» вернули исторически правомерное написание. Анализ крепостных сооружений Царёва-Борисова дан в третьем разделе: «Новопостроенная (Новая, Изюмская) черта». По традиции он включает историю обоих периодов заселения города, автором (В.В. Неделин) также создана схематическая реконструкция плана крепости Царёв-Борисов в начале XVII в. и схематический план крепостных сооружений последней четверти XVII в. [Воротникова и др., 2016, с. 262–267].

Таким образом, литература по оборонительным сооружениям Царёва-Борисова представлена дореволюционным, советским и современным периодами, что свидетельствует о постоянном интересе к теме и о понимании научным сообществом большого значения его постройки для истории страны.

Крепость Царёв-Борисов первого заселения имела внушительные размеры и служила местом пребывания на службе и проживания значительного количества населения, что для далекой степной окраины Русского государства было выдающимся событием и смелым решением правительства. В спокойные первые годы численность гарнизона насчитывала 1–2 тыс. чел., в весенние и летние месяцы она возрастала; так, летом 1601 г. число служилых людей составляло 4 222 чел. [Анхимюк, 2022, с. 349]. Ни Воронеж, ни Белгород в 1615 г. по численности населения не дотягивали до 1 000 чел. [Там же].

Социальный состав города представляло исключительно служивое сословие. Церквей предполагалось построить две: в честь Пр. Троицы и страстотерпцев Бориса и Глеба. Однако после оставления города в Белгород перевезли две церкви – Пр. Троицы, а также Церковь Николая Ратного, т. е. в реальном посвящении церкви отличались от планируемых. О культе Николая Ратного на южном пограничье, а точнее в округе Царёва-Борисова, известно и позднее [Чепига, 2021].

Данные о длине периметра, количестве башен, городен цитирует или пересказывает целый ряд авторов, пользуясь одними и теми же источниками – описанием Царёва-Борисова по чертежу, который прислали Богдан Бельский и Семен Алферьев после завершения строительства в 7107 (1599) г. и опросом царёвоборисовских жителей в 1625 г. [Багaley, 1887, с. 49, Алфёрова, 1989, с. 135, Чепухин, 2014, с. 177, Анхимюк, 2022, с. 346].

В соответствии с этим документом, окружность стены Царёва-Борисова первого заселения состояла 379 саж., имела 3 проезжих башни, 6 глухих, 127 городен.

Причем, по скаске Котельникова 1625 г., крепость имела 2 проезжих ворот и 7 башен глухих [Алфёрова, 1989, с. 135]. Количество башен могло меняться в процессе эксплуатации крепости.

По воспоминаниям царёвоборисовцев, вокруг вала шёл ров глубиной 3 сажени и шириной 4 сажени, за которым стояли стрелецкая, казачья и пушкарская слободы. Слободы, как мы видим, были поселениями ратных людей, т. е. тот же самый гарнизон. По периметру их защищал стоячий острог длиной 2 версты. Вокруг него в радиусе до 7 вёрст для защиты пашен и пастбищ стояли надолбы «в три кобылины».

Оборонительные сооружения города были сделаны настолько добротнo, что не выглядели разрушенными ни в 1625 г. (сведения кн. Г. Волконского) [Алфёрова, 1989, там же], ни в середине XVII в. [Юркевич, 1932, с. 165].

Черкасские мигранты поселились у подножия Царёво-Борисовского городища в 1654 г., на противоположной стороне р. Бахтин колодезь, в 82 саж. от неё, и возвели вокруг своей слободы ров и вал, создав посад около воссоздаваемого города [Юркевич, 1932, с. 166]. Параллельно началась отстройка укреплений кремля, т. е. Царёва-Борисова второго заселения. Вокруг, а именно на территории 50 верст вниз и 40 верст вверх по течению Северского Донца, располагались дикие поля [Загоровский, 1980, с. 54]. Данные земли легально осваивались ухотниками со времен Царёва-Борисова первого заселения, а после числились в дачах Святогорского монастыря. Теперь эти земли межевались жителям новопостроенных городов – Царёва-Борисова, Маяцкого, Тора, Райгородка и Бахмута (вторая половина XVII – начало XVIII вв.).

Исследователи, которые останавливались на истории города, отмечают, что оборонительные сооружения Царёва-Борисова первого заселения еще сохранялись и были основой для отстройки новых укреплений. Восстановленный город повторял границы старого. Кроме того, воевода Царёва-Борисова второго заселения соорудил около большого рва надолбы в 2 ряда, длиной в 900 саж., т. е. около 2 км. Таким образом, внешний контур города в том месте, где была острожная стена, также использовался [Загоровский, 1980, с. 167].

Сама крепость по расписным книгам в 1657 г. выглядела следующим образом: стены по периметру 402 саж., стороны 86, 86, 124 и 106 саж., по стенам 9 башен, некоторые шестиугольные, две проезжих, вокруг ров с частичком. Около старой крепости поставлены надолбы 1 106 саж. [Юркевич, 1932, с. 168].

Также дополнительно известно, что крепость второй половины XVII в. была в форме рубленого города из сосны, в марте 1657 г. город представлял из себя четырехугольник, вытянутый с востока на запад. Стена от Оскола восточная длиной 86 сажен, южная от Бахтина колодезя – 124 саж., от степи западная – 86 саж., от Валуйских ворот северная – 106 саж. В измерениях была использована трехаршинная сажень [Загоровский, 1980, с. 55]. Так как крепость восстанавливалась на месте старой постройки, можно предполагать, что и контуры, а возможно, и расположение башен были прежними.

По описанию 1663 г. окружность соснового города составляла 402 саж., на готове 10 пушек на башнях, по сто ядер, появилась вторая линия укреплений, которая совпала с прежним острогом, по ней располагалось 14 башен, из них три проезжих [Загоровский, 1980, с. 57].

Царёв-Борисов второго заселения, судя по описанию 1668 г., относился к городам Белгородской черты и Белгородского разряда [Материалы..., 1886, с. 63–64]. По этому описанию имеем прямое указание на то, что город построен на старой «городовой осыпи», рубленый, имел 2 башни проезжие, 7 глухих, городовые стены длиной 364 саж. По «старым башенным местам», т. е. по периметру старого острога, построено 15 башен, в т. ч. 3 проезжих и 12 глухих. Между башнями располагались надолбы. Черкасы имели статус городских казаков, их обязанностью было ездить на сторожи.

Таким образом, Царёв-Борисов первого и второго периодов заселения располагался на одном и том же месте, занимая возвышенность в междуречье рек Оскол и Бахтин Колодезь. Контуры новой крепости, по свидетельству источников, повторяли старые границы. На месте старого острога располагалась линия надолб. Черкасская слобода, возникшая на другом берегу р. Бахтин Колодезь, не входила в черту города, и ее можно назвать «посадом». В период постройки города первого периода известно существование в пределах острога трех слобод служилых людей. Посадами в классическом понимании их сложно назвать. Однако в документе 1625 г., приведенном Г.В. Алфёровой, эти поселения названы посадом: «ров которой был около посаду и около города и ныне глубок и цел весь» [Алфёрова, 1989, с. 135]. Посада за стенами крепости в то время быть не могло, постоянного населения в округе не было. Украинский археолог И.В. Голубева назвала территорию городища «детинец» и «посад». Поскольку термин «посад» упоминается в источниках, вероятно, с ним можно согласиться, несмотря на то, что этот посад был в то же время и гарнизоном города. Однако термин «детинец» для XVII в. представляется устаревшим. Для российской историографии более традиционно название внутренней крепости – «кремль».

Графическая реконструкция. Для создания графических реконструкций сооружений деревянного оборонного зодчества важны как письменные источники эпохи, так и материалы этнографических и археологических экспедиций. Следует учесть при этом и опыт создания реконструкций другими исследователями.

В случае с созданием рисунков-реконструкций Царёва-Борисова мы ограничены в исторической информации о внешнем виде городских укреплений письменными источниками. Следовательно, целесообразно использование историографических данных по реконструкции одновременных русских крепостей с других участков степного Пограничья [Крадин, 1988, с. 157].

Первый этап рисунка-реконструкции дает общее представление о том, как мог выглядеть Царёв-Борисов с противоположного берега реки Оскол с места, где в неё впадает приток – Бахтин Колодец (рис. 1).

Рис. 1. Город Царёв-Борисов. Вид с левого берега р. Оскол. Авт. А.В. Вербовский
Fig.1. Tsarev-Borisov. View from the left bank of the Oskol river. Author A.V. Verbovskiy

Информация, имеющаяся в письменных источниках и историографических работах, и знание того, что город был построен на высоком правом берегу Оскола, позволяют нам создать образ деревянного города с наружной острожной стеной и кремлём, рубленными тарасами (городнями). Подобное изображение отражает известные сведения в самом общем виде, вполне пригодно для научно-популярного и просветительского применения. Художественный «портрет» города, как и остальные реконструкции, выполнен одним из авторов данной работы.

Второй этап работы над графической реконструкцией городских укреплений Царева-Борисова – чертеж плана городского кремля (рис. 2).

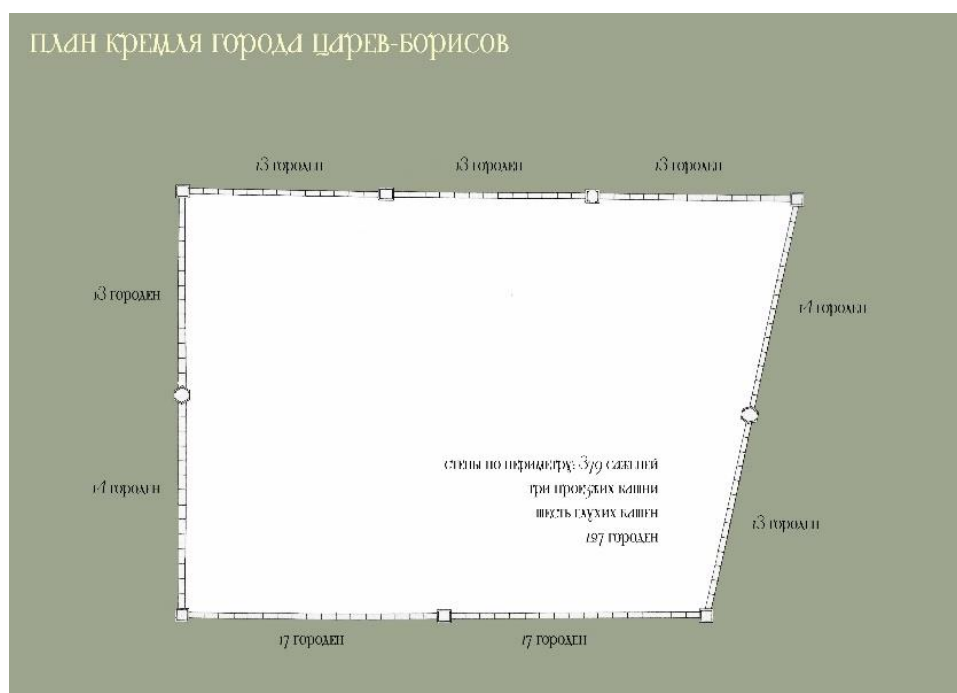

Рис. 2. План кремля г. Царев-Борисов. Авт. А.В. Вербовский
Fig. 2. Layout of the kremlin in Tsarev-Borisov. Author A.V. Verbovsky

По материалам Д.И. Багалея, имеем упоминание о количестве башен (9) и городень (127), а также длине окружности стены (279 саж.). Более конкретные сведения можно почерпнуть из описания 1657 г., а именно то, что город представлял собой четырехугольник, вытянутый с востока на запад, восточная стена, тянувшаяся от реки Оскол на север, имела в длину 86 саж. Противоположная ей стена, находившаяся на возвышении со стороны притока Оскола – Бахтина Колодезя – составляла те же 86 саж. Южная стена, обращенная на Оскол, была самой длинной и составляла 124 саж. Северная стена города имела в длину 106 саж. [Юркевич, 1932, с. 168, Загоровский, 1980, с. 55]. Стены по периметру, в соответствии с данным описанием, составили 402 саж. [Там же].

Имеется расхождение с цифрой окружности стены по описаниям 1599 г. и 1657 г., и для построения реконструкции необходимо решить данное противоречие. Разница в размерах составляет 23 саж. Если предположить, что в первом случае при замерах давалась цифра только стен, а во втором случае – крепостных сооружений вместе с башнями, то остаток покажет общую длину башен. Девять башен из описания занимали длину в 23 саж., следовательно, каждая из них в среднем была 2,6 саж., что соответствует возможной длине данного сооружения.

Городские укрепления, рубленные тарасами (городнями), включали в себя девять башен: шесть глухих и три проезжих (в 1599 г.), или семь глухих и две проезжих (по данным 1625 г. и 1657 г.). Представленная информация позволяет выстроить трапецию, которая довольно точно передает конфигурацию внутренней крепости Царёва-Борисова. Разумеется, трапеция, имеющая два прямых угла с западной стороны и острый и тупой углы – с восточной, может быть и отзеркалена; может и вовсе не иметь прямых углов. Но в этот вопрос внести ясность могут только археологические изыскания.

Третий этап. Наличие плана городского кремля позволяет создать его рисунок-реконструкцию с «птичьего полета» (рис. 3).

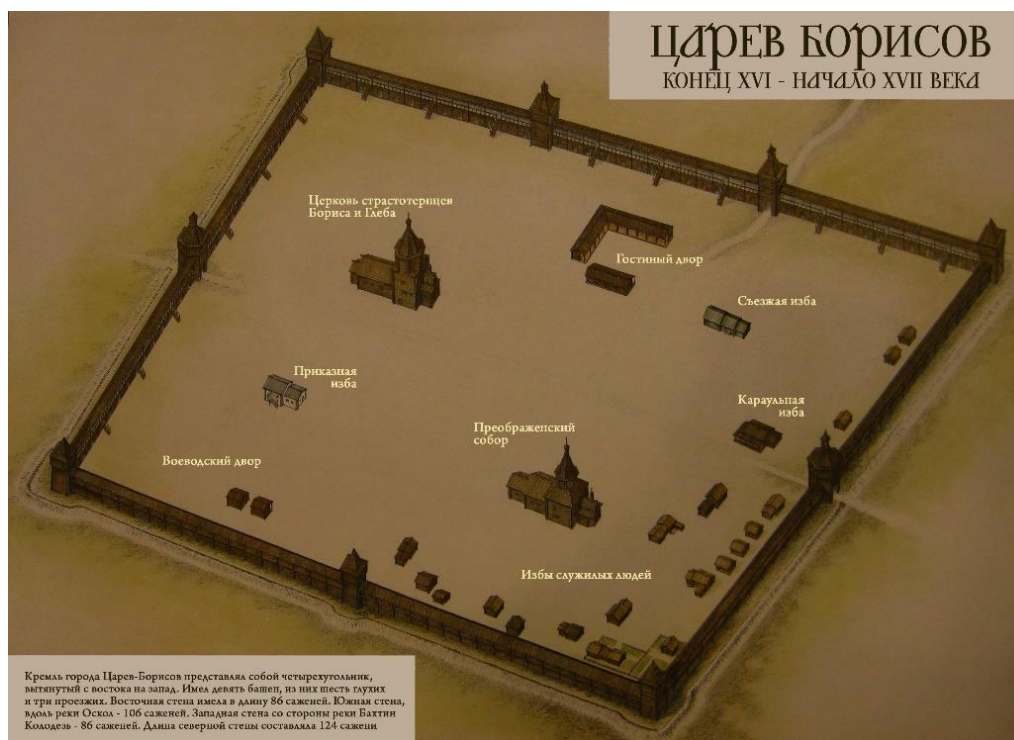

Рис. 3. Графическая реконструкция кремля г. Царёв-Борисов. Авт. А.В. Вербовский
Fig. 3. Graphic reconstruction of the kremlin in Tsarev-Borisov. Author A.V. Verbovsky

На нем изображены девять крепостных башен, в том числе три проезжих, и стены, рубленные городнями. Количество городен на графической реконструкции соответствует информации, данной в «Очерках...» Д.И. Багалея – 127 городен [Багалея, 1887, с. 49]. При этом застройка внутри кремля показана условно, поскольку достоверными данными о том, как выглядели постройки Царева-Борисова (церкви, воеводский двор, съезжая изба, гостинный двор, избы служилых людей и т. д.) мы не располагаем.

Для реконструкции оборонных укреплений города в ракурсе «с птичьего полета» были задействованы доступные веб-сервисы («Google Earth», «Яндекс карты») с использованием инструментов, позволяющих получить представление о рельефе местности.

Важным моментом в процессе создания графической реконструкции того или иного деревянного оборонного укрепления является его максимально точная привязка на местности по картографическим материалам. В случае с определением месторасположения города Царев-Борисов нами были использованы гугл-карты места впадения реки Бахтин Колодезь в Оскол.

Четвертый этап. Одним из этапов работы по реконструкции и привязке к местности крепостных сооружений города Царёв-Борисов при ограниченности исходных археологических данных и исторических свидетельств о расположении и планировке кремля и острога был поиск форм рельефа, которые могли в прошлом представлять интерес в качестве естественных элементов фортификации и стали важным фактором, повлиявшим на расположение и планировку оборонных сооружений.

При этом были применены возможности дистанционного зондирования Земли инструментами, предоставляемыми сервисом Google Earth Pro (рис. 4), достаточные для распознавания и детализации искомых элементов мезорельефа (средних форм рельефа с амплитудами высот до нескольких десятков метров).

Рис. 4. Дистанционное зондирование мезорельефа инструментами Google Earth Pro

Fig. 4. Remote sensing of the mesorelief using Google Earth Pro tools

Пятый этап. Детализация рельефа производилась посредством построения серии профилей (рис. 5) в зоне предполагаемого расположения крепости.

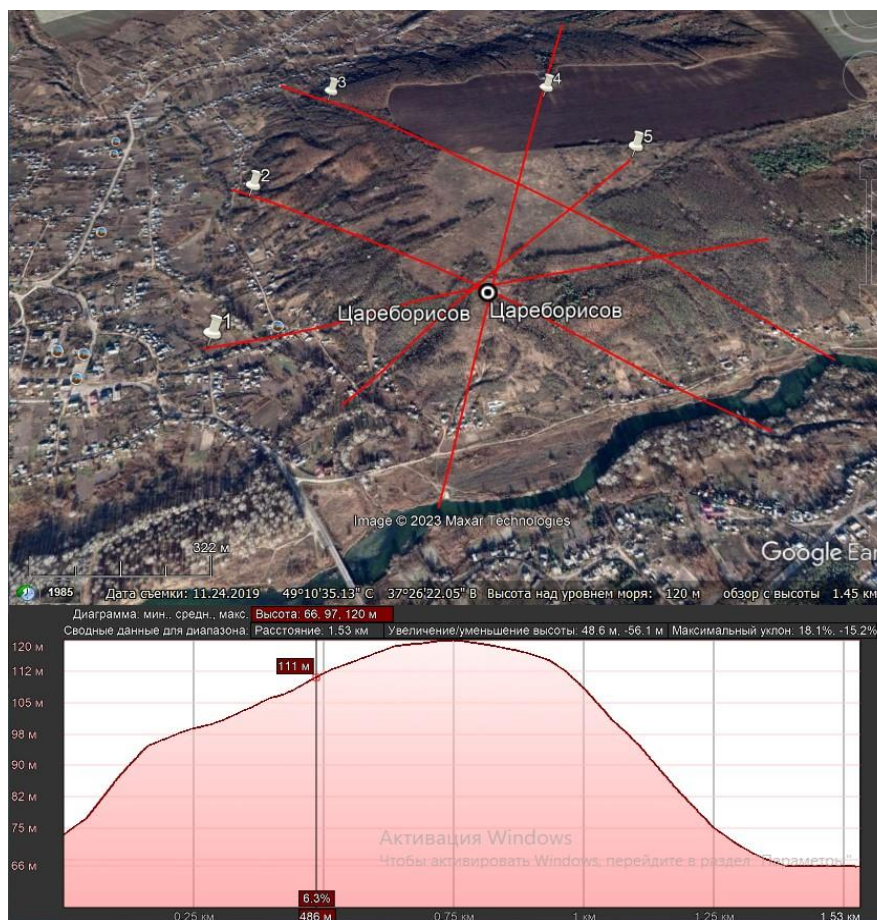

Рис. 5. Детализация рельефа посредством построения серии профилей в зоне предполагаемого расположения крепости

Fig. 5. Relief details by constructing a series of profiles in the area of the suggested location of the fortress

Это позволило выявить площадку, достаточную по размерам и относительной выположенности для расположения крепости с оптимальными по крутизне прилегающими склонами долин р. Оскол и впадающего в неё ручья Бахтин Колодец, не требующими значительного эскарпирования. Вместе с тем, как показало профилирование местности, крепость не имела естественных препятствий с напольной части.

Шестой этап. При основании городов издавна выбирали территории, которые были защищены естественными природными рубежами: высокие берега рек, а также крутые мысы при впадении рек [Надырова и др., 2016, с. 27]. Не только кремли, но и остроги, как правило, сооружались на высоком берегу.

В работе известного исследователя фортификационных сооружений В.М. Неделина проведена основательная работа по изучению нарративных источников, но привязка к местности сделана ученым на карте, дающей весьма условное представление о ландшафте, который имел решающее значение в формировании контуров городского кремля и острожных стен. Это сказалось на определении автором контуров фортификационных сооружений Царёва-Борисова. И если кремль поставлен достаточно правдоподобно на высоком правом берегу Оскола, то острожная стена с ее четырнадцатью башнями расположена исследователем внизу под склоном, прямо на берегу Оскола, что можно считать маловероятным [Воротникова и др., 2016, с. 263].

Это решение в принципе не характерно для устройства деревянных русских крепостей, которые, как правило, возводились на высоких берегах рек. Это прослеживается не только в южных крепостях, но и в оборонных сооружениях русского севера, Сибири и т. д. Так,

например, город Березов, основанный практически в то же время, что и Царев-Борисов (1593 г.), был построен между реками Вогулкой, Северной Сосьвой и соединяющей их Вогульской протокой.

Восточная сторона кремля и острога находится на высоком левом берегу (левом, поскольку эти реки текут на север) [Вершинин, 2018, с. 96]. Об этом свидетельствуют также планы оборонных сооружений Енисейска и Красноярска, представленные в книге В.И. Кочедамова «Первые русские города Сибири» [Кочедамов, 1977, с. 118–120].

В связи с этим нам представляется более реалистичным расположение острожной стены на той же выположенной площадке, на которой находился и городской кремль (рис. 6). На реконструкции В.М. Неделина острог (вторая линия укреплений вокруг города) располагается на обоих берегах р. Бахтин Колодезь, что не соответствовало ни известному по источникам её месторасположению на плато, ни данным о размерах крепости. Поскольку в схематичном плане исследователя нет привязки к местности и, очевидно, реконструкция не входила в задачи его работы, следует всё же отметить, что плато, где располагался рубленый город, занимает большую площадь, чем размеры кремля, что острожная стена с башнями по всем описаниям находилась на том же плато и имела в длину около двух километров, также нет упоминаний о том, что валы и рвы находились только с одной (напольной) стороны крепости и имели форму бастионов, характерную для более поздней эпохи. По длине острожная стена в реконструкции В.М. Неделина больше напоминает вероятную линию надолб.

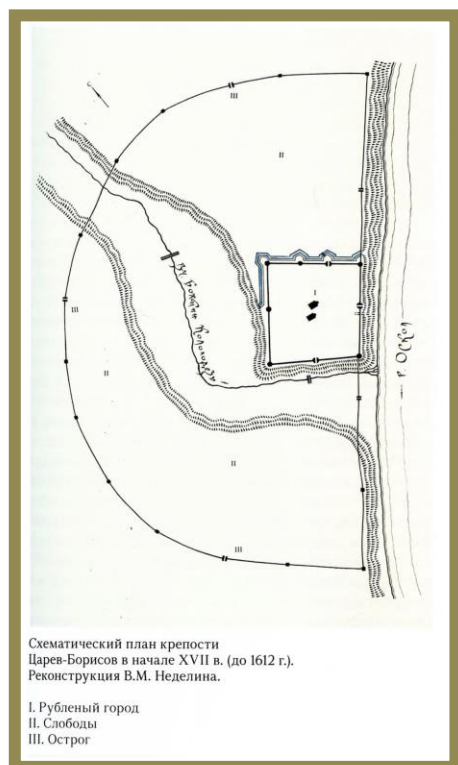

Рис. 6.1. Схематический план крепости Царёв-Борисов в нач. XVII в.
Реконструкция В.М. Неделина
Fig. 6.1. Schematic plan of the Tsarev-Borisov fortress in the early 17 th century.
Reconstruction by V.M. Nedelin

Рис. 6.2. Графическая реконструкция крепостных сооружений г. Царёва-Борисова в нач. XVII в. с привязкой к местности. Авт. А.В. Вербовский
Fig. 6.2. Graphic reconstruction of the fortress structures of Tsarev-Borisov in the early 17 th century with reference to the area. Author A.V. Verbovsky

Для точного изображения острожной стены информации, которой мы обладаем, явно недостаточно. Конфигурация острожной стены нами дана умозрительно, поскольку

фортификационное сооружение, включающее в себя четырнадцать крепостных башен, может иметь множество вариантов их расположения. В русском деревянном оборонном зодчестве существовали и случаи, когда прямоугольный кремль был окружен прямоугольным же острогом [Крадин, 1988, с. 157], но это скорее исключение из правил. Мы сделали попытку представить наиболее приближенный к реальности местности вариант расположения башен и стен.

Заключение

Таким образом, комплексное изучение истории Царёва-Борисова первого периода в сопоставлении со вторым периодом заселения с учетом географических факторов выявило преемственность исторических процессов на территории Среднего Подонковья. Изучение историографии показало, что нижняя и верхняя границы функционирования города ограничивается на сегодня 1599 и 1612 гг. Повторно, в 1654–1656 гг., город был возобновлен на том же месте, что позволило составить вариант реконструкции городских укреплений начала XVII в., представленных в данной работе. Городу уделялось в историографии достаточно большое внимание, в современный период интерес историков активизировался. Археологическое изучение в своё время не имело должного масштаба, которого заслуживает этот интереснейший памятник русской культуры. Стоит отметить, что предложенные в данной публикации графические реконструкции являются предварительным этапом в работе по воссозданию исторического облика Царёва-Борисова. Только конфигурация городского кремля (которая описана во многих источниках и историографических работах) представлена в данной работе в качестве научной графической реконструкции. Оборонные укрепления посада и внутренняя застройка Царёва-Борисова изображены с высокой долей условности. Отсутствие в широком доступе публикаций о результатах проведенных археологических изысканий затрудняет привязку к местности расположения оборонительных сооружений города и его внутренней застройки. В связи с этим стоит отметить, что в данный момент Цареборисовское городище представляет собой закрытый и не поврежденный застройкой археологический комплекс со слоями конца XVI – второй половины XVII в., что делает его особенно ценным для будущего изучения материальной культуры южнорусского пограничья.

Список источников

Акты Московского государства. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. Спб., 1890, 767 с.
Материалы для истории колонизации и быта Степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI–XVIII столетии. Т. 1. Багалей Д.И. Харьков, Тип. К.П. Счасни, 1886, 358 с.

Список литературы

Алфёрова Г.В. 1989. Русские города XVI–XVII веков. Москва, Стройиздат, 216 с.
Анхимюк Ю.В. 2022. К истории русской колонизации Дикого поля: гарнизон крепости Царев-Борисов в конце XVI – начале XVII в. Российское государство в XVI – начале XVIII века: сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова. Москва, Старая Басманная: 335–351.
Багалей Д.И. 1887. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. Москва, Тип. университета, 614 с.
Вершинин Е.В. 2018. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург, Демидовский институт, 504 с.
Воротникова И.А., Неделин В.М. 2016. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости Юга России. Том 2. Книга 2. Москва, Индрик: 263.
Голубева І.В. 2011. Центральна Слобожанщина кінця XVI – XVIII ст. за археологічними джерелами: дис... канд. наук: 07.00.04, Киев, 183 с.
Голубева І.В. Цареборисівська фортеця: результати та перспективи археологічних досліджень. Святогірський альманах 2009: збірка наукових праць. Донецьк, 2009: 8–16.

- Дедов В.Н. 2014. Святые Горы. Иллюстрированная история. Донецк, «Донбасс», ТОВ «РА «Ваш імідж», 464 с.
- Загоровский В.П. 1680. Изюмская черта. Воронеж, Изд-во Воронежского университета, 238 с.
- Зенченко М.Ю. 2008. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). Москва, Памятники исторической мысли, 208 с.
- История Новороссии. 2017. Отв. ред. В.Н. Захаров; Рос. ист. об-во; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. Москва, Центр гуманитарных инициатив, 864 с.
- Кочедамов В.И. 1977. Первые русские города Сибири. Москва, Стройиздат, 190 с.
- Крадин Н.П. 1988. Русское деревянное оборонное зодчество. Москва, Искусство, 192 с.
- Надырова Х.Г., Русинова А.А. 2016. Архитектурно-пространственная организация уездных городов Казанской губернии конца XVII–XVIII вв. *Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия. Известия КГАСУ*, 4(38): 26–34.
- Новосельский А.А. 1948. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. Москва – Ленинград, АН СССР, 447 с.
- Пірко В.О. 1998. Заселення Степової України в XVI–XVIII ст. Донецьк, Український культурологічний центр, 124 с.
- Папков А.И. 2004. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, Изд-во «КОНСТАНТА», 352 с.
- Смирнов И.И. 1966. Крестьянская война 1606–1607 гг. Смирнов И.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. Москва – Ленинград, Издательство «Наука», 328 с.
- Филарет (Гумилевский Д.Г.) 2005. Историко-статистическое описание Харьковской епархии: в 3 т. Харьков: Райдер-Сага, 2005. Т. 2. 432 с.
- Фоминов А.В. 2013. Нерешенные вопросы истории «польских» городов Московского государства, основание Валук и гибель Царева-Борисова. *Очерки феодальной России*. Москва, Санкт-Петербург, Вып. 16: 202–230.
- Чепига Г.Г. 2021. Культ Николая Ратного на южной окраине Российского государства (кон. XVI – нач. XVIII вв.). *Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). Том 7: Исторические науки*. Под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Донецк, Изд-во ДонНУ, 2021: 277–280.
- Чепига Г.Г. 2021. Северный Донбасс в экономической и политической системе Российского государства в XVI–XVII вв.: юрты, сторожи, города на Поле. *Via in tempore. История. Политология*, 48(1): 132–140. doi: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-132-140.
- Чепига Г.Г. 2012. Українська та російська історіографія про перше заселення м. Цареборисова та особливості колонізаційних процесів навколо нього. *Святогірський альманах. Збірка наукових праць*. Донецьк. Видавництво «Донбас», ТОВ «РА «Ваш імідж»: 157–166.
- Чепухин А.Г. 2014. Волуйка: крепость на южнорусской окраине (судьбы служилых и жилецких людей XVII в.). *История военного дела: исследования и источники*. Т. V.: 156–416.
- Юркевич В. 1932. Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Б. Хмельницького. Киев, ВУАН., 191 с.

References

- Alfeyorova G.V. 1989. Russkie goroda XVI–XVII vekov [Russian Cities of the XVI–XVII Centuries]. Moscow, Strojizdat, 216 p.
- Ankhimiyuk Yu.V. 2022. K istorii russkoj kolonizaczii Dikogo polya: garnizon kreposti Czarev-Borisov v koncze XVI – nachale XVII v. [On the History of the Russian Colonization of the Wild Field: The Garrison of the Tsarev-Borisov Fortress in the Late XVI – Early XVIII Centuries]. *Rossijskoe gosudarstvo v XVI – nachale XVIII veka: sbornik statej k 70-letiju Andreya Pavlovicha Pavlova*. Moscow, Staraya Basmannaya: 335–351.
- Bagalej D.I. 1887. Oчерки iz istorii kolonizaczii stepnoj okrainy` Moskovskogogosudarstva [Essays from the History of Colonization of the Steppe Outskirts of the Moscow State]. Moscow, Tip. universiteta, 614 p.
- Vershinin E.V. 2018. Russkaya kolonizaczija Severo-Zapadnoj Sibiri v koncze XVI – XVII vv. [Russian Colonization of Northwestern Siberia in the Late 16th–17th Centuries]. Ekaterinburg, Demidovskij institut, 504 p.

- Vorotnikova I.A., Nedelin V.M. 2016. Kremli, kreposti i ukreplenny'e monasty'ri Russkogo gosudarstva XV–XVII vekov. Kreposti Yuga Rossii [Kremlins, Fortresses and Fortified Monasteries of the Russian State of the XV–XVII Centuries. Fortresses of the South of Russia]. Tom 2. Kniga 2. Moscow, Indrik, 263 p.
- Holubieva I.V. 2011. Tsentralna Slobozhanshchyna kintsia XVI – XVIII st. za arkeolohichnymy dzherelamy [The Central Slobozhanshin Region of the XVI–XVIII Centuries beyond the Archaeological Heritage]: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.04, Kiev, 183 p. (in Ukrainian).
- Holubieva I.V. Tsareborysivska fortetsia: rezultaty ta perspektyvy arkeolohichnykh doslidzhen [Tsareboris Fortress: Results and Prospects of Archaeological Research]. Sviatohirskyi almanakh 2009: zbirka naukovykh prats. Donetsk, 2009: 8–16 (in Ukrainian).
- Dedov V.N. 2014. Svyatye Gory. Illyustrirovannaya istoriya [Holy Mountains. Illustrated History]. Doneck, «Donbass», TOV «RA «Vash imidzh», 464 p.
- Zagorovskij V.P. 1969. Izyumskaya cherta [Izyum Line]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 304 p.
- Zenchenko M.Yu. 2008. Yuzhnoe rossijskoe porubezh'e v koncze XVI – nachale XVII v. (opyt gosudarstvennogo stroitel'stva) [The Southern Russian Borderlands at the End of the XVII – Beginning of the XVIII Century (Experience of State Construction)]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy my'sli, 208 p.
- Istoriya Novorossii [The History of Novorossiya] 2017. Otv. red. V.N. Zakharov; Ros. ist. ob-vo; In-t ros. istorii Ros. akad. nauk. Moscow, Czentr gumanitarny'kh inicziativ, 864 p.
- Kochedamov V.I. 1977. Pervye russkie goroda Sibiri [The First Russian Cities of Siberia]. Moscow, Strojizdat, 190 p.
- Kradin N.P. 1988. Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo [Russian Wooden Defense Architecture]. Moscow, Iskustvo, 192 p.
- Nady'rova Kh.G., Rusinova A.A. 2016. Arkhitekturno-prostranstvennaya organizatsiya uezdny'kh gorodov Kazanskoj gubernii koncza XVII – XVIII vv. [Architectural and Spatial Organization of the County Towns of Kazan Province at the End of the XVII–XVIII Centuries]. *Teoriya i istoriya arkhitektury, restavratsiya i rekonstruktsiya istoriko-arkhitekturnogo naslediya. Izvestiya KGASU*, 4(38): 26–34.
- Novosel'skij A.A. 1948. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII v. [The Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Half of the XVII Century]. Moscow – Leningrad, AN SSSR, 447 p.
- Pirko V.O. 1998. Zaselennia Stepovoi Ukrainy v XVI–XVIII st. [Settlement of Steppe Ukraine in the XVI–XVIII centuries]. Donetsk, Ukrainskyi kulturolozhichniy tsentr, 124 p. (in Ukrainian).
- Papkov A.I. 2004. Porubezh'e Rossijskogo czarstva i ukrainskikh zemel' Rechi Pospolitoj (konecz XVI – pervaya polovina XVII veka) [Borderlands of the Russian Empire and the Ukrainian Lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth (Late 17th – First Half of the 17th Century)]. Belgorod, Izd-vo «KONSTANTA», 352 p.
- Smirnov I.I. 1966. Krest'yanskaya vojna 1606–1607 gg. [The Peasant War of 1606–1607]. Smirnov I.I. Krest'yanskije vojny v Rossii XVII–XVIII vv. Moscow – Leningrad, Izdatel'stvo «Nauka», 328 p.
- Filaret (Gumilevskij D.G.) 2005. Istoriko-statisticheskoe opisanie Khar'kovskoj eparkhii [Historical and Statistical Description of the Kharkov Diocese]: v 3 t. Khar'kov: Rajder-Saga, 2005. T. 2. 432 p.
- Fominov A.V. 2013. Nereshenny'e voprosy istorii «pol'skikh» gorodov Moskovskogo gosudarstva, osnovanie Valuek i gibel' Czareva-Borisova [Unresolved Issues of the History of the "Polish" Cities of the Moscow State, the Founding of Valuyki and the Death of Tsarev-Borisov]. *Ocherki feodal'noj Rossii*. M., SPb., Vy'p. 16.: 202–230.
- Chepiga G.G. 2021. Kul't Nikolaya Ratnogo na yuzhnoj okraine Rossijskogo gosudarstva (kon. XVI – nach. XVIII vv.) [The Cult of Nicholas the Warrior on the Southern Outskirts of the Russian State (End of the XVI – Beginning of the XVIII Centuries)]. *Doneckie chteniya 2021: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vy'zovy sovremennosti: Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferenczii (Doneczk, 26–28 oktyabrya 2021 g.)*. Tom 7: Istoricheskie nauki. Pod obshhej redakciej prof. S.V. Bepalovoj. Doneczk, Izd-vo DonNU: 277–280.
- Chepiga G.G. 2021. Northern Donbass in the Economic and Political System of the Russian State in the XVI–XVII Centuries: Yurts, Watchmen, Cities in the Field. *Via in tempore. History and political science*, 48(1): 132–140 (in Russian). doi: 10.18413/2687-0967-2021-48-1-132-140 (in Russian).
- Chepiga G.G. 2012. Ukraïns'ka ta rosijs'ka istoriografiya pro pershe zaselennya m.Careborisova ta osoblivosti kolonizacijnih procesiv navkolo n'ogo [Ukrainian and Russian Historiography about the First Settlement of Tsareborisov and Features of Colonization Processes around it]. *Svyatogorsk miscellany*. 2012.

Collection of Scientific Works. Donetsk, Vidavnictvo «Donbas», TOV «RA «Vash imidzh»: 157–166 (in Ukrainian).

Chepukhin A.G. 2014. Volujka: krepost` na yuzhnorusskoj okraine (sud`by` sluzhily`kh i zhileczkikh lyudej XVII v.) [Voluyka: A Fortress on the Southern Russian Outskirts (the Fate of Service Men and Tenants of the XVII Century)]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. T. V.: 156–416.

Yurkevich V. 1932. Emigraciya na skhid i zalyudnennya Slobozhanshchini za B. Hmel'nic'kogo [Emigration to the East and Population of Slobozhanshchyna under B. Khmelnytsky]. Kiev, VUAN. 191 p. (in Ukrainian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.02.2025

Received 21.02.2025

Поступила после рецензирования 20.04.2025

Revised 20.04.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Accepted 22.04.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чепига Галина Геннадиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права, Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, ДНР, Россия

 [ORCID: 0009-0003-3041-4183](https://orcid.org/0009-0003-3041-4183)

Galina. G. Chepiga, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History and Law, Donetsk National Technical University, Donetsk, DPR, Russia

Вербовский Андрей Валерьевич, старший научный сотрудник, Донецкий республиканский краеведческий музей, г. Донецк, ДНР, Россия

 [ORCID: 0000-0002-2171-4462](https://orcid.org/0000-0002-2171-4462)

Andrey V. Verbovskiy, Senior Researcher, Donetsk Republican Museum of Local Lore, Donetsk, DPR, Russia